

УДК 902.3

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.42.56>**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ В КОНЦЕ XIX-ГО ВЕКА**

© 2021 г. А.В. Жук

В статье представлены некоторые предварительные результаты историографических исследований по такому важному направлению отечественной археологической науки, как организация и проведение полевых изысканий. На примере российских археологов конца XIX в. – как ведущих, так и только еще становящихся профессионалами – раскрыты различные понимания, различные концепции полевых исследований. Эти концепции систематизированы автором, в результате чего вскрыты несколько направлений полевой археологии, сложившихся в тогдашней отечественной науке. Выявлены также, как теоретические воззрения на ход полевых изысканий выдерживали (или не выдерживали) проверку на практике в реалиях тогдашней русской жизни. Раскрыто, как понимание того, что представляет собой основной археологический источник, определяло видение тем или иным исследователем характера и направленности полевых изысканий. Статья не претендует на исчерпывающий характер материала и представляет собой, скорее, введение в проблематику.

Ключевые слова: полевая археология, археологические раскопки, спасательные раскопки, методика раскопок, археологический комплекс, типологический ряд, государственная монополия на археологические раскопки.

RUSSIAN FIELD ARCHAEOLOGY AT THE END OF THE 19TH CENTURY

A.V. Zhuk

The paper features the preliminary results of historiographical research on such an important area of Russian archaeological science as the organization and conduct of field surveys. Using the example of Russian archaeologists of the late 19th century – both leading and those on their way to becoming professionals – various understandings and different concepts of field research are revealed. These concepts are systematized by the author, as a result of which several directions of field archaeology which developed in the currently domestic science are outlined. It is also revealed how theoretical views on the course of field research withstood (or failed to withstand) the practical test in the realities of Russian life at the time. It is demonstrated how the understanding of what constitutes the main archaeological source determined the nature and direction of field research by individual researchers. The paper does not imply an exhaustive coverage of the material and rather constitutes an introduction to the stated issues.

Keywords: field archaeology, archaeological excavations, rescue excavations, excavation methodology, archaeological complex, typological series, state monopoly on archaeological excavations.

То, что целеполагание археологического исследования определяет методику полевых изысканий, русские археологи поняли уже давно. Так, в начале 1850-х гг. П.С. Савельев писал: «Знать форму кургана, положение в нем покойника, расположение при погребенном его утвари и множество кажущихся мелочей иногда важнее для археолога, чем самые вещи. Поэтому разрытия курганов тогда только и полезны и вполне достигают археологической цели, когда делаются людьми, знакомыми с условиями ученых раскопок. Разрытия же с иными целями, в видах ли корысти для отыскания “клада” или из простого любопытства, даже из любознательности, производимые людьми, не приготовившимися к археологическим исследованиям, по большей части не только бесплодны, но и вредны для науки, потому что отнимают от нее или портят

материалы, может быть неопределимые. Не беда еще, что мы *теперь только* узнаём археологические сокровища, скрывающиеся в наших сопках, когда давно уже известны нам сопки и городища Средней Азии буддийской эпохи. То беда, что немало уже истреблено их. Вот почему мы и назвали счастьем для науки, что несколько десятков тысяч сопкок до сих пор сохранилось в целости, неприкосновенно, по всему почти протяжению России. Это богатый запас для разработки нашим археологам, и на долгое время. Между тем, надобно заботиться и о том, чтобы, сколько возможно, поправлять зло уже сделанное – описывать сохранившиеся в разных руках вещи, вырытые невеждами или дилетантами из напрасно разрушенных ими курганов» (Савельев, 1852, с. 11). Другими словами, полевая методика производна от обоснования исследования, шире – от методо-

логической установки. Археолог копает так, как видит, а видит он так, как диктует ему основной источник.

Однако начать, пожалуй, следует не со столь благостного в методологическом отношении контекста, а с того, что значительная часть археологических раскопок в Российской Империи на исходе XIX в. выполнялась не по собственно научным, но по чрезвычайным, спасательным соображениям. В то время памятники слишком часто копались не потому, что в них нуждался именно этот археолог для решения тех или иных научных задач, но просто потому, что в противном случае эти памятники должны были исчезнуть.

Самая характерная по части спасательных раскопок фигура отечественной археологии на исходе XIX в. – это, пожалуй, Николай Иванович Веселовский (1848–1918). Его много ругают: в позднейших работах по тем культурам, памятники которых раскапывал Н.И., часто встречаются нелицеприятные оценки уровня его полевых изысканий, чем оценки Н.И. как ученого, как правило, и исчерпываются. Но справедливы ли в данном случае наши коллеги? В памятной речи 23 мая 1918 г. Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928), характеризуя Н.И. Веселовского как археолога, говорил об этом так. «С 1894 г. начинаются систематические исследования Николая Ивановича в Кубанской области. Необходимость там производства раскопок была настоящей ввиду того, что Кубанские курганы в 90-х годах усиленно раскапывались хищниками, добывавшими в курганах древние золотые предметы и сбывавшими большую часть их на сплав. Некоторые предметы, добытые хищническими раскопками, попадали в руки торговцев <...>

Что Николай Иванович должен был и мог сделать? Насущнейшей задачей для русского исследователя времени, когда Николаю Ивановичу пришлось жить и действовать, было, конечно, спасение источников – гибнувших от стихий и от руки человека древних памятников <...> И, принимаясь за раскопки, Николай Иванович прежде всего должен был думать о спасении тех, часто единственных источников знания о далеком прошлом нашей страны, которые таились в древних городах, могильниках и курганах и которые немилосердно и стихийно разрушались руками невежественных и алчных до материальных ценностей новых насельников областей, где рассеяны эти города, могильники, курганы.

Так как ничто не предвещало в ближайшем будущем прекращения производившегося расхищения и уничтожения памятников древности и, скорее, была почва для предположений обратного характера, Николай Иванович считал совершенно правильно своим долгом в ближайшую очередь расследовать в местностях, где им были намечены работы по научным соображениям, те курганы, которым грозило уничтожение от руки хищников. И Николаю Ивановичу удалось спасти для науки большое количество памятников, открытых им в таких курганах. Само собою разумеется, что надо было особенно спешно расследовать такие курганы, в которых, по разным соображениям, должны были находиться погребения, содержащие предметы из золота <...>.

Недоброжелательные люди называли иногда Николая Ивановича “кладоискателем”. Во имя истины надо протестовать против такого рода опорочивания деятельности Николая Ивановича. Если Николай Иванович “гонялся за золотом”, то он должен был это делать, блюдя интересы науки. Какая потеря была бы для науки, если бы драгоценности из Майкопского кургана 1897 г. или из Солохи не были раскопаны Николаем Ивановичем, а попали в руки кладоискателей (“счастливец” по керченскому выражению)! <...>

Хотя и часто приходилось Николаю Ивановичу мчаться раскапывать курганы туда, где того требовали обстоятельства, но все же известной системы в выборе места раскопок Николай Иванович держался. Вполне выдержать ее он не мог именно из-за громадной массы неотложных текущих дел, которые у нас в России мешают работать систематически всем на каждом шагу» (Фармаковский, 1921, с. 365, 382, 383). Иначе говоря, перед Н.И. Веселовским как полевиком чаще всего вставала предельно простая цель – спасти то, что еще можно спасти от именно этого памятника, любыми средствами, как правило, в крайне неблагоприятных условиях и очень часто спешно. И в самом деле, ежели постоянно “мчаться раскапывать курганы”, трудно уповать при этом на высокое качество полевых изысканий. Думаю, что не будет преувеличением присвоить Н.И. в нашей историографии скромное, но достойное титуло “присяжного пожарного” отечественной археологии.

Разумеется, Н.И. Веселовский был далеко не единственным из наших полевиков, кто оказался на исходе XIX в. в “пожарной” ситуации. Едва ли не по всей Российской Импе-

рии разыгрывались в то время аналогичные истории, исполненные той или иной степени драматизма. Чего стоит одна только Буконская трагедия! Памятники исчезали буквально на глазах исследователей. А вот что писал С.К. Кузнецов, оценивая состояние могильника на берегу р. Камы у села Пьяный Бор, немного выше Елабуги. На этом памятнике, «несмотря на то, что составлявшая его песчаная насыпь была почти до основания снесена дующими с ЮВ ветрами, обнаружено значительное количество бронзовых предметов. У окрестных жителей Пьяноборский могильник считался просто неистощимым: туда *ходили* за собиранием медных и бронзовых орудий, как на промысел. Хорошо помню, что один елабужский медник, скупая у крестьян медные и бронзовые вещи, продавал их в музей при Казанском обществе археологии, истории и этнографии по 60 к. за фунт» (Кузнецов, 1890, с. 219, 220).

С аналогичными ситуациями постоянно сталкивался и В.А. Городцов. К примеру, один из интереснейших дюнных памятников Поочья, урочище Городок близ села Ловецкие Выселки Зарайского уезда Рязанской губернии, еще в конце 1870-х гг. «простирался в длину шагов на 150, а в ширину – шагов на 70. В то время скат его, обращенный к озеру Лучанскому, был высок и крут настолько, что в нем имели гнезда воронки (*воронók*, по В.И. Далю, «большой черный стриж, птица из рода ласточек», как ее называют на Владимирщине (Даль, I, с. 244). – А.Ж.), теперь же этот скат полог и низок» (Городцов, 1901, с. 1). «Теперь» – это время приезда на памятник Городцова в августе 1898 г., когда «от холма уцелел кусок шагов в 25 длины и 15 ширины» (там же, с. 1). И это еще не всё: если в прежнее время культурные отложения Городка «достигали аршин четырех или даже более» (там же, с. 4), то к 1898 г. культурный слой здесь не превышал в максимуме двух с половиною аршин. «Какой удивительной массы древних вещей лишилась наука с разрушением этих слоев!» (там же, с. 4), – с горечью отметил в отчете Городцов. И добавил: «После некоторого колебания, вызванного очевидным оскудением холма, я решился раскопать оставшуюся часть его» (там же, с. 2). А что тут, собственно, было колебаться? Всё равно ведь «оставшейся части холма» пропадать.

В 1898 г., размышляя над проблемой сохранности отечественных археологических памятников, В.А. Городцов писал довольно-таки мрачно: «Мне думается, что в настоя-

щее время было бы весьма полезно произвести математически осмотр и описание всех, как окских, так и других речных дюн, так как через несколько лет это, может быть, будет поздно; с уничтожением же древних речных дюн, являющихся постоянно насыщенными памятниками различных культурных эпох, решение многих археологических вопросов будет задержано на продолжительное время, так как дюны часто дают без особого труда со стороны исследователя то, что в материковых или других, более компактных почвах можно получить лишь с большими затруднениями, да еще при стечении особенно благоприятных условий» (там же, с. 18). И, как это ни печально, В.А. оказался прав...

Да что уж говорить о Европейской России, если даже в глухой Семиреченской области несторианский могильник близ Пишпека к середине 1880-х гг. нуждался в срочном спасении. «Кладбище это занимает пространство в три десятины; тянется длинной полосой к Ю.З. (в длину 120 сажен, а в ширину 60). В настоящее время большая часть кладбища распаивается окрестными жителями и ежегодно засеивается хлебными злаками; остаются нераспаханными лишь некоторые, трудно доступные для орошения пространства, выражающие отдельные возвышенности наподобие незначительных курганчиков, вероятно служивших семейными усыпальницами, на которых теперь в собранном виде лежат по нескольку камней с надгробными надписями. Вообще же, в настоящее время местность эта только и может быть принята за кладбище по незначительным курганчикам и в беспорядке разбросанным надгробным камням, которые, для очистки под посевы места, земледельцами частью снесены в небольшие кучки, частью по одиночке выброшены на возвышенные места, а многие из них запаханы и находятся под верхним слоем земли и не указывают места водружения их» (Пантусов, 1886, с. 7–75).

Очевидно, что неизбежное проклятие полевой археологии всех времен и народов – следовать за действиями той культуры, которой принадлежит сам археолог. Как бы ни складывалась судьба науки, археолог с неизбежностью, прежде всего и более всего будет обращаться к тем памятникам, которые именно сейчас оказались под угрозой уничтожения.

Радоваться здесь, как это делает К.А. Смирнов (1977, с. 289), нечему. Ведь археолог по определению должен копать там, где ему, архе-

ологу, нужно, а не там, где по случаю вышел на памятники их потенциальный ликвидатор – мужик-целинник, олигарх-строитель или же просто человек хозяйственный.

Есть, правда, одно очень слабое утешение: там, где человек с неизменным упорством вновь и вновь являет свою деятельность, – там смело можно рассчитывать на богатый археологический материал. Однако утешение это действительно слабое. Во-первых, что в конечном счете достанется археологу по результатам многовековой, включая современную, хозяйственной деятельности на одном и том же месте? А, во-вторых, нужны ли именно эти памятники именно сегодня именно этому археологу, который вынужден силою обстоятельств копать всё, что ни попадя, по “четвёртой форме”? И не отсюда ли – богатейшие музейные залежи нарытого за несколько десятилетий, но так до сих пор не обработанного и не опубликованного (т. е., выходит, пока никому не нужного) материала?

Впрочем, памятники копались и нормально, т. е. по собственно научным соображениям. И здесь нужно отметить очень важное обстоятельство.

Следует различать полевую методику (приемы и способы раскопа) и полевое искусство (качество раскопа). Первая определяется уровнем и характером развития науки, второе – талантом исследователя. Состояние и особенности полевой методики – верный образ уровня развития науки. Степень полевого искусства – верный образ личной талантливости археолога; и этот образ совершенно не зависит от уровня развития науки. Есть крупные ученые, которые не умеют и не любят копать (но, разумеется, отдают себе отчет в том, *как надо* копать); а есть и виртуозные, “от Бога”, раскопщики, порой даже совсем не археологи по специальности.

Высокое качество раскопок – показатель не уровня развития науки, но уровня полевого искусства. Высокое и низкое качество раскопок имеет место на всех без исключения этапах развития археологии. Но на каждом этапе копают с целью получить источник того или иного основного типа. А на самом деле – ещё сложнее:

копают и с целью получить источники неосновных типов;

копают с несформировавшейся методологией, т. е. в процессе вызревания представлений о том, каким должен быть археологический источник и, соответственно, в процессе вызревания представлений, как именно нужно

копать, чтобы получить источник именно этого типа;

копают без ясно выраженной цели (любители);

копают с недолжными целями (из честолюбия, прикрываясь наукой, ради обогащения и проч. Человек слаб!).

При этом реальный характер той или иной методологии далеко не всегда лежит на поверхности и часто требует для распознавания специальных усилий.

За требованием не копать под предлогом несовершенства методики и в ожидании её грядущего совершенства стоит:

лично-психологическое восприятие ситуации (как у А.А. Спицына), обострённое чувство гибели памятника в ходе раскопки – это лучший, но редкий вариант;

чаще всего имеет место скрытое непонимание того, зачем вообще нужно копать, т. е. имяреку копать решительно незачем.

Нельзя в данном случае не согласиться с имяреками. Но ведь верно и обратное: пока памятник не разрушен, он не изучен.

Достаточно грамотные наблюдения по ходу раскопок и квалифицированная работа с материалом культурного слоя позволяли делать важные выводы. Так, перед князем П.А. Путятиным, который вел в начале 1880-х гг. раскопки на одном из мысов озера Бологое Валдайского уезда Новгородской губернии, встал в числе прочих такой вопрос: что представляет собой изучаемый памятник – стоянку или поле погребений? На этот вопрос он ответил так:

«1) Слой гумуса произошел от разложившихся растительных остатков, а не от остатков животных, что подтвердилось анализом, произведенным Д.А. Сабанеевым; кроме того, гумус разнообразной толщи залегает по всей площади раскопок, заключая в себе черепки с каменными орудиями и проч., тогда как в кладбищах урн тление распространяется только в урне или около урны, но никак не пластами.

2) Черепки разбросаны и перемешаны; из этого можно вывести заключение, что тут сосуды были оставлены не цельными, как в погребальных урнах, а только в виде ненужных разбитых остатков их.

3) (Здесь у князя П.А. Путятина содержится пространное рассуждение о качественном различии погребальной и поселенческой керамики. – А.Ж.)

4) Нуклеусы (ядра, ядрища) и многочисленные скребки тоже подтверждают существование становища, что подкрепляется еще

отрытыми во влажном песку деревянными поделками для рыбной ловли.

5) Если бы Бологовский мыс был местом погребения, то нашлись бы в большом количестве человеческие кости. Что же касается до тех незначительных остатков, которые мне пришлось вырыть, то их малочисленность уничтожает всякое вероятие присутствия тут каких-либо могил» (Путятин, 1884, с. 283–285).

В качестве дополнения можно указать на то, что горный инженер Дмитрий Александрович Сабанеев (1845–?), действительный член ИРАО, выполнил также химико-технологический анализ останков «первобытной кричной плавки железа» (Путятин, 1888, март, с. 712), открытых князем П.А. Путятиным на дюнах близ деревни Озеревичи; результаты этого анализа опубликованы в 1882 г. (Сабанеев, 1882, с. 24–26).

В “русском поле” на исходе XIX в. приоритет по-прежнему оставался за курганными раскопками. Во-первых, курган сравнительно просто идентифицировать. А во-вторых, как писал в 1890 г. С.К. Кузнецов, «здесь назначение каждой вещи угадывается легко, а совокупность курганных находок, знакомя нас с подробностями погребального культа, в то же время дает ясное понятие о быте погребавшегося в курганах племени, потому что с покойником, в большинстве случаев, полагалась в могилу вся обстановка, окружавшая его при жизни» (Кузнецов, 1890, с. 155). Поселенческая же археология была делом куда более сложным. К примеру, на заседании ИРАО 30 марта 1894 г. Н.И. Веселовский, разбирая изыскания А.А. Спицына, отмечал: «Производство раскопок в “костеносных городищах” не представляет особенной заманчивости, так как число добываемых там предметов не очень обильно и довольно однообразно, но исследования необходимы, чтобы восстановить культуру этих городищ» (Веселовский, 1896, с. L).

Здесь хотелось бы подчеркнуть, что не следует понимать дело таким образом, будто Николай Иванович был одержим неким “синдромом эстета”, которого в раскапываемых памятниках интересуют только предметы, эффектные в художественном отношении. На самом деле, проблема “вещевого довольствия” в отечественной археологии стояла тогда совершенно иначе.

Так, например, казачий офицер, активный участник покорения Западного Кавказа Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903) стол-

кнулся с этой проблемой еще в 1870-е гг., по ходу изучения дольменов Майкопского уезда Кубанской области. В своем отчете, доложенном 26 января 1879 г. на заседании ОЛЕАЭ при Императорском Московском университете, Е.Д. Фелицын постарался, конечно же, «рассмотреть найденные с костями предметы. К сожалению, в числе их нет таких, одного присутствия которых бывает иногда совершенно достаточно, чтобы определить время и назвать народ, запечатлевший в предметах этих неопровержимые следы своего существования, выражающегося всегда в одних и тех же вещественных фактах археологических доказательств. Форма орудий, материал, та или другая степень совершенства обработки в данном случае могли бы, конечно, служить наиболее сильными аргументами для каких-либо выводов, достойных занять соответствующее место в науке» (Фелицын, 1879, с. 28).

Вначале селища и погребения раскапываются с тем, чтобы получить ответ на вопрос: “Давайте-ка посмотрим, что этот памятник собой представляет” (подробнее о проблеме целеполагания в археологическом исследовании см.: Коллингвуд, 1980, с. 392–396). Естественно, представлять собой “этот памятник” будет комплекс артефактов, некоторый набор древностей. Но, чтобы стать археологическим источником, эти древности должны разъяснить своё значение, проявить скрытый в них смысл. Значит, они должны быть рассмотрены не просто как коллекция, как отдельно взятые предметы, но в известном порядке относительно друг друга. А именно – в том порядке, в каком оставил их создатель объекта, существующего ныне в виде археологического памятника. Ибо предметы, воспринимаемые через выявленную в ходе раскопок совокупность признаков, могут быть поняты только из того порядка, в котором они некогда были отложены.

Вот почему во 2-й половине XIX в. остро стояла проблема как можно более точной фиксации артефактов по ходу раскопок. Известен классический пример английского генерала, сэра О.-Г. Питт-Риверса, который усовершенствовал стратиграфический метод настолько, «чтобы можно было любой предмет возвратить на прежнее место с точностью до десятых долей миллиметра» (Керам, 1979, с. 125). У нас также было немало исследователей, которые стремились к адекватному запечатлению археологического комплекса. Ограничусь здесь лишь некоторыми именами из числа тех, кто копал в пору становления В.А.

Городцова как археолога: А.В. Адрианов, граф А.А. Бобринский, генерал Н.Е. Бранденбург, Н.И. Веселовский, поручик С.С. Гамченко, В.З. Завитневич, полковник Л.К. Ивановский, А.С. Лаппо-Данилевский.

Как пример скрупулезного подхода к качеству полевых изысканий можно процитировать отчет А.И. Кельсиева, который на исходе 1870-х гг. раскапывал курганные могильники ряда губерний России, в том числе – и под Ярославлем. «При раскопках строго наблюдалось правило, чтобы ни один предмет, будь это кость или вещь, не сдвигался с того места, на котором он был обнаружен. Костяк осторожно очищался от земли широким ножом или лопаточкою и по прошествии около получаса времени обметался сухим венчиком. Вытянутое положение скелетов позволяло, где кости не бесследно истлели (это составило около 40% погребений – А.Ж.), измерять рост покойника *in situ* мерительной тесьмой по средней линии от темени до пяток, с прибавкою нескольких долей вершка по усмотрению» (Кельсиев, 1879, с. 60, 61).

Кроме того, столь тщательная работа позволяла археологу воссоздать важные особенности устройства объектов исследования. «Курганы, насколько можно по прошествии 8–9 веков судить об их архитектуре, имеют форму шарового сегмента или усеченного конуса, иногда по боковой поверхности выложены камнями и у самой подошвы обнесены канавой, вынутая из коей земля и служила к насыпке кургана <...> В тесно скученных кладбищах промежутки между курганами вообще ниже нормального уровня полей, окружающих кладбище, из чего следует, что земля для засыпания покойников бралась на месте, а не приносилась издалека; что для сооружения больших холмов вокруг кургана вырывались ямы; что уровень подошвы кургана опускался ниже нормального уровня почвы, на который был положен труп, и что покойник таким образом оказывался погребенным» (там же, с. 53).

А.И. Кельсиев – один из старших коллег В.А. Городцова, секретарь Антропологического отдела ОЛЕАЭ – опубликовал в своем отчете о работах на курганных могильниках летом 1878 г. довольно характерное описание организации раскопок. В числе прочих А.И. Кельсиев исследовал и могильники Ярославской губернии – одной из тех местностей, на которых два десятка лет спустя В.А. Городцов будет формироваться как археолог-профессионал. А потому я считаю не лишним воспроиз-

вести это описание – тем более что текст его, опубликованный более ста лет назад, сегодня трудно доставаем. Все курсивные выделения, сделанные в данной цитате, принадлежат самому А.И. Кельсиеву.

«Кроме заступов и топоров у рабочих (коих на курган средней величины следует ставить не более трех человек, и не вести одновременно раскопку более двух смежных курганов) мне оказались на практике необходимыми следующие предметы. *Щуп* – стальной прут толщиной в карандаш, длиною с небольшим в аршин, на одном конце сплюснутый в долото, на другом с рукояткою. Помощию щупа, если только насыпь не каменистая, с большим удобством определяется залегание костяка, сосуда, близость подпочвенного слоя и вообще определяется направление разведки. Рабочие постоянно пользовались щупом и отзывались, что “эта палочка дорогого стоит”. Небольшая ручная (садовая или лучше штукатурная) *лопаточка*, кухонный *ножик* и сухой *веник* необходимы для очистки и тщательного исследования костяка и окружающей его земли, мерительная карманная *тесьма* и *компас* – для определения длины и направления костяка, и *книжка* – для записи наблюдений. Вынутые кости и предметы укладываются для просушки на кусок *холста* или клеенки; в случае присутствия мелких вещей оставшаяся земля просеивается в небольшое металлическое *решето*. Вещи полезно завертывать на самом месте раскопок, для чего нужно иметь достаточный запас оберточной *бумаги*, *бичевок* и цветной *карандаш*. Свертки, упакованные в сено в больших плетеных *коробах*, корзинах или ящиках, дошли у меня все в сохранности» (там же, с. 62, 63).

В качестве комментария можно отметить, что “курган средней величины”, на который предполагалось ставить не более трех землянок, сам А.И. Кельсиев определяет так: «поперечники курганов вообще колеблются между 2–5 саженьями, высота между 1–2 аршин» (там же, с. 53). Топоры же рабочим были необходимы, поскольку все исследованные А.И. Кельсиевым древние «кладбища обыкновенно заросли деревьями. Почти везде крестьяне свидетельствовали, что прежде на курганах стоял вековой лес, рубившийся уже на памяти стариков» (там же, с. 53).

Следует, однако, учитывать, что полевая методика, запланированная автором раскопа, часто корректировалась обстоятельствами, в которых эти раскопки проводились. Задуманное удавалось далеко не всегда. Так, В.В.

Хвойко, открывший в конце августа 1893 г. палеолитическое местонахождение на частной усадьбе по Кирилловской улице в Киеве (Подол) и тут же приступивший к раскопкам его, предполагал поначалу «оставлять все найденные кости и другие предметы на месте, в том положении, в котором они были найдены, до самого окончания раскопок» (Хвойко, 1901, с. 738). Идея, безусловно, хороша (в разумных пределах), но в данном случае это оказалось неважно. А важным оказалось то, что этот раскопчный прием, независимо от его методической ценности, изначально был абсолютно нереальным.

Сам В.В. Хвойко пишет об этом так: «Всем нашим находкам суждено было на этот раз погибнуть безвозвратно. Место раскопок, ввиду громадности костей и глубины, на которой они были найдены, приняло в глазах окрестных жителей какой-то фантастический характер, и разнесшаяся молва о выкопанном мамонте, каменных ножах, стрелах и т. д. так заинтересовала толпу, что в ближайший праздничный день (судя по хронологии раскопок, Викентий Вячеславович имеет в виду 29 и 30 августа, т. е. памяти усекновения главы Иоанна Предтечи и перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского, бывшие в Российской Империи неприсутственными днями. В 1893 г. эти дни пришлось соответственно на воскресенье и понедельник – А.Ж.) на место раскопки собралось множество праздного народа, желавшего посмотреть откопанные чудеса. Так как рассматривание не ограничивалось одним созерцанием предметов, а их без всякой церемонии начали передавать из рук в руки, несмотря на запрещение находившегося тут сторожа (а где, интересно, находился в это время сам Викентий Вячеславович? – А.Ж.), то последний рассудил за благо выпроводить непрошенных посетителей и запереть ворота на замок. Раздраженная толпа ворвалась в усадьбу, уничтожая по пути все, что попадалось под руку. Результатом этого было полное разрушение всего, что оберегалось нами так тщательно: столбики земли, на которых лежали выкопанные кости, были уничтожены, кости вместе с зубами и клыками были разбросаны и отчасти унесены рассвирепевшей толпой.

Интересно заметить, что среди местного населения существовало убеждение, что раскопки и собрание найденных костей делается с какой-то практической медицинской целью; мне пришлось по этому поводу иметь вслед за тем (видимо, уже 31 августа,

во вторник – А.Ж.) столкновение со старухой, собиравшей в узелок найденные нами кости и уверявшей, что она хорошо знает, что я пользуюсь ими для лечения больных и что ей желательно делать то же. Обстоятельство это принудило нас отказаться на дальнейшее время от первоначального плана оставлять все найденные кости и другие предметы на месте, в том положении, в котором они были найдены, до самого окончания раскопок; мы старались сохранять их нетронутыми только до тех пор, пока они не были срисованы или сфотографированы, так как с этого времени по необходимости приходилось почти сейчас же убирать найденное, и только раза два-три удалось при помощи фотографии обозначить некоторые части и общий вид места раскопок» (Хвойко, 1901, с. 738).

Нередки были случаи, когда научные интересы археолога вступали в противоречие с хозяйственными интересами местных жителей, и археолог оказывался вынужденным уступать. Так, в 1897 г. В.А. Городцов, исследуя Воронежскую неолитическую стоянку, вышел на весьма перспективный в археологическом отношении участок этого памятника. Но, «к сожалению, здесь мне не позволили долго работать из боязни размывов берега и порчи прилегающих огородов. Таким образом, пришлось, по необходимости раскопки перенести на другую сторону северо-западного мыса террасы, где, за особую прибавку платы работавшим у меня владельцам, мне разрешено было разрыть узкую полосу берега на 50 аршин длины, с условием, по окончании работы, заровнять канаву» (Городцов, 1900, с. 21, 22). В том же 1897 г. В.А. Городцов исследовал очень важный комплекс памятников на дюне Могилки, близ села Алектанова Рязанского уезда и губернии, т. е. в своих родных местах. Здесь он, в частности, «намеревался последовательными траншеями пройти всю площадку восточного мыса дюны. К сожалению, владельцы земли запротестовали и не позволили портить покрывающий площадку луг. Пришлось по необходимости ограничить площадь раскопок» (Городцов, 1900, с. 31).

Вообще же, предполагая полевые изыскания на частновладельческих землях, т. е. за пределами государственной монополии на археологические раскопки, русскому археологу приходилось вступать в персональное соглашение с владельцем. И следует подчеркнуть, что условия этого соглашения не всегда оказывались благоприятны в научном отношении. Так, в конце августа 1898 г. В.А. Город-

цов намеревался, по ходу своей экспедиции, раскопать несколько памятников в окрестностях села Городец Спасского уезда Рязанской губернии. Касаясь организации этих работ, В.А. Городцов сделал, в частности, следующие замечания. «Прибыв часов в 8-мь утра в с. Городец, я, прежде всего, заключил условие с г. Денисовым на право производства раскопок городища, находящегося в его владениях. Владелец предоставил мне право раскопок без платы за порчу земли, но с тем, чтобы вырытые канавы были по окончании работ вновь зарыты, берега городища оставались бы не тронутыми и березы, растущие на дворе городища – неиспорченными» (Городцов, 1901, с. 6). Впрочем, соседние с городищем курганы В.А. Городцов копал уже явочным порядком, без какого бы то ни было “условия” (Городцов, 1901, с. 16).

На исходе XIX в. затруднения русско-го археолога-полевика могли возникнуть с самой неожиданной стороны. Об одном из таких случаев по ходу экспедиции 1897 г. В.А. Городцов написал в следующих выражениях. «8 сентября. Прибыв около полудня в с. Муромино, ближайшее к месту раскопок, я сверх ожидания не нашел там рабочих, потому что всё многочисленное население села оказалось или занятым на фабриках и заводах, или совершенно отвыкшим от земляной работы. По той же причине не было возможности нанять рабочих и в соседнем с. Алканове, так что поневоле пришлось ехать за семь верст в с. Дубровичи (родное село В.А. Городцова – А.Ж.), где и было нанято 10 человек» (Городцов, 1901, с. 26). На следующий год он столкнулся с аналогичной ситуацией в деревне Ужалье Спасского уезда Рязанской губернии. «Мне не без труда удалось нанять рабочих, потому что ужальские крестьяне по профессии рыбаки и на землекопные работы идут крайне неохотно» (Городцов, 1901, с. 18).

А могло сложиться и так, что копать при всем желании было невозможно; с подобными случаями не раз сталкивался В.А. Городцов. К примеру, в начале сентября 1898 г. он завершал свою экспедицию в долине р. Оки работами в окрестностях села Солодча Рязанского уезда и губернии. «В последнем пункте я намеревался произвести раскопки, но не мог этого сделать по той причине, что в с. Солодчи 8-го сентября был престольный сельский праздник, и крестьяне считают долгом целую неделю пировать и пьянствовать, так что требовалось еще ждать несколько дней прежде, чем можно было нанять землекопов

и приступить к работе, а между тем у меня оставалось мало и времени, и средств, так что я принужден был закончить свои поиски совсем» (там же, с. 27, 28). И неудивительно, ведь 8 сентября в литургическом календаре Православной Церкви – двенадцатый праздник Рождества Пресвятой Богородицы (в 1898 г. этот праздник пришелся на вторник), а В.А. Городцов прибыл в Солодчу 9 сентября и должен был возвратиться из отпуска в полк уже неделю спустя, в четверг 17 сентября (Жук, 2005, с. 361). Странно только, что Василий Алексеевич не учел всё это заранее, ведь Солодча – его родные места, и нравы здешних поселян он прекрасно знал с детства.

При этом мышление типологическими категориями, которое все более широко распространялось среди тогдашних археологов, отозвалось в полевой методике весьма своеобразно. Раскопки не просто выявляли типы вещей и явлений: они целенаправленно велись именно как исследования *типичных* артефактов.

Уже старший современник В.А. Городцова, И.Е. Забелин вполне сознательно позиционировал себя как принципиальный сторонник выборочной раскопки памятников. Так, в своем отчете о работах 1860 г. на одном из Краснокутских курганов он писал: «Раскопка кургана в самом начале обнаружила, что он заключает в себе целое кладбище, подобное открытому в 1859 г. в одной из Гермесовых Близниц, где гробницы расположены были без всякого порядка и при остовах почти не оказалось никаких вещей. Узнав, что находится в кургане, не было нужды производить дальнейшее его исследование, которое не могло подавать уже надежды на важные открытия, а потому бóльшая часть курганной насыпи оставлена не раскопанной» (цит. по: Мерперт, 1991, с. 83).

И примечательно, что в своей полевой практике Д.Я. Самоквасов на самом деле следовал тем рекомендациям, которые декларировал в «Инструкции для научного исследования курганов». На V Археологическом Съезде в Тифлисе в 1881 г. Дмитрий Яковлевич поведал, в частности, коллегам: «В раскопках на Кавказе я придерживался того же правила, какому следовал в других местностях; именно, первое кладбище, нового устройства и содержания, раскапывал до тех пор, пока встречались предметы новые и разнообразные, пока убеждался, что оставшиеся нераскопанными могилы заключали в себе только повторение того, что уже было известно мне

из могил раскопанных. Встречая затем кладбища того же характера, по устройству и содержанию, я довольствовался раскопкою двух или трех могил и переносил исследования в другой пункт. Благодаря этому приему, в течение двух месяцев я успел найти и исследовать четырнадцать могильников, принадлежащих, по предметам в них найденным, трем историческим эпохам» (Самоковасов, 1887, с. 42).

Данную методологическую установку вполне разделял и В.З. Завитневич. «Во время своей поездки г. Завитневич заботился не столько о том, чтобы раскопать как можно больше курганов в том или другом могильнике, сколько о том, чтобы исследовать как можно большее количество отдельных могильных групп. Как только господствующий в данном могильнике тип погребения становился ясным, он оставлял его и передвигался в другое место. Чтобы при такой системе раскопок не впасть в ошибку поспешного обобщения, он при выборе курганов не придерживался того порядка, в каком они расположены бывают в могильнике, а раскопав два-три смежных кургана и нашедши в них одну и ту же форму погребения, обыкновенно брал курганы из различных пунктов могильника, причем не упускал из вида и объема насыпи, так что в каждом могильнике им раскопано по несколько курганов самых больших, средних и самых малых» (Бобринской, 1892, с. 42).

Очень важно и то, что методологический принцип выборочного подхода к памятнику не только срабатывал при организации полевых изысканий, но влиял и на последующую судьбу добытого материала. В качестве примера можно привести многолетние раскопки О.Е. Клером городища у деревни Палкино Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Комментируя на заседании УОЛЕ 3 сентября 1888 г. обработку Палкинских находок, О.Е. Клер в частности сообщил, «что составлено из дублетов 5 коллекций, более или менее параллельных между собою, для рассылки в другие музеи; оставшиеся же около 2000 экз. О.Е. Клер жертвует в музей Уральского Общества. В виду же получения типичных экземпляров из других местностей, г. Фаддеев высказал желание, чтобы Общество просило те музеи, в которые высланы будут дубликаты, о присылке в обмен дубликатов из своих коллекций. Принято» (Протокол..., 1888, с. 63).

В означенном здесь контексте очень интересна дискуссия о принципах ведения полевых работ, которая состоялась в пятницу 4 декабря 1881 г. на заседании Антропологического отдела ОЛЕАЭ. Особенно примечательна эта дискуссия тем, что возникла она спонтанно, не была подготовлена заранее и, соответственно, отражала не столько умозрительные соображения, сколько прочно устоявшиеся реальные позиции исследователей.

Поводом для дискуссии послужил отчет о курганных раскопках, который представила проживающая в Дорогобуже, уездном городе Смоленской губернии, действительный член Общества Варвара Михайловна Чебышева (Чебышева, 1886, стб. 14–24). Речь в отчете шла о раскопках в 1879–1880 гг. курганного могильника на хуторе Трухоново Дорогобужского уезда Смоленской губернии, который принадлежал семейству В.М. Чебышевой (при публикации в название отчета вкралась ошибка: место проведения раскопок обозначено как «Смоленский уезд»). Судя по отчету, работы были проведены качественно, на вполне приемлемом для того времени методическом уровне; обстоятельное описание могильника и вскрытых погребений служит важным дополнением к изобразительной части отчета.

Трухоновский могильник Варвара Михайловна раскопала практически целиком. И, указывая в отчете на расположенный поблизости еще один курганный могильник, запросила «мнение Отдела: продолжать ли ей раскопки в той же местности, или перенести их в другую» (Чебышева, 1886, стб. 22). Этот, казалось бы, вполне частно-методический запрос Д.Н. Анучин, представлявший сообщение В.М. Чебышевой, выставил на обсуждение, чем и спровоцировал вышеозначенную дискуссию. Более того, Дмитрий Николаевич сам положил начало дискуссии, заявив, что «он находит более интересным, в виду однообразия курганов данной местности по вещам, перенести раскопки в другие местности Смоленской губернии, где, например, раскопками В.И. Сизова обнаружены весьма богатые и интересные в археологическом отношении курганы, указывающие, повидимому, на совершенно другую культуру и даже тип населения» (Чебышева, 1886 стб. 22).

Д.Н. Анучина поддержал один из членов-основателей Императорского Московского Археологического Общества, хранитель Московской Оружейной Палаты, а также хранитель Отделения доисторических, христианских и русских древностей

Румянцевского (Московского Публичного) Музея, первым открывший следы бронзовой культуры на Кавказе, Георгий Дмитриевич Филимонов (1829–1898). Правда, довод Ю.Д. Филимонова прозвучал в методологическом отношении крайне архаично: «Он думает, что работы настоящего времени не окончательные, но только попытки, и что долгая остановка на одном и том же месте может увлечь в частности, тогда как в настоящее время нужно ознакомиться вообще по возможности с большим количеством пунктов, а потому, не останавливаясь в одной и той же местности, переходить в соседние, определяя, таким образом, общую картину» (там же, стб. 23). Применительно к отечественной археологии подобная установка может быть признана приемлемой, пожалуй, для 1830–1850-х гг., но уж никак не для исхода XIX в.

Кроме того, из уст Ю.Д. Филимонова прозвучал еще один аргумент. По ходу изучения древностей «есть одно затруднение для получения значительного материала: археологами принято за правило, ни в каком случае не уничтожать при раскопках всех курганов данной местности, так как в таком случае не осталось бы материала для проверки в будущем. Несомненно, что сведения наши в настоящее время значительно подвинулись вперед; но несомненно и то, что в будущем может явиться целый ряд новых вопросов, для разрешения которых, при уничтожении курганов данной местности, не останется уже материалов» (там же, стб. 23).

Эта реплика Ю.Д. Филимонова весьма примечательна как по своей методологической беспомощности, так и по откровенному нахальству. Никакими «археологами» вышеозначенное методическое условие никогда не было, конечно же, «принято за правило», да еще и в столь категоричной форме – «ни в каком случае». Пожалуй, коллеги Ю.Д. Филимонова поступили излишне деликатно, обойдя это газетное «археологами принято за правило ни в каком случае» молчанием.

Основным оппонентом Д.Н. Анучина и Ю.Д. Филимонова выступил А.П. Богданов. По внешности он развел археологическую и антропологическую составляющие раскопок, когда «заметил, что, быть может, с археологической точки зрения интереснее перенести раскопки в другую местность; но Антропологический Отдел должен, прежде всего, заботиться о получении антропологического же материала. Местность Смоленской губер-

нии, как показали Юхновские черепа, есть пункт столкновения нескольких разнородных племен. Поэтому, только значительное число черепов может дать солидные основания для научных выводов» (там же, стб. 22).

Фактически же Анатолий Петрович дал понять коллегам, что те придерживаются явно устарелых взглядов на методiku именно полевой археологии. Если, говорил он, «придавать значение только одним вещам, то 2–3 кургана могут вполне удовлетворить исследователей, давши некоторое число вещей. Но чтобы сделать что-либо в краниологии, нужно идти против укоренившегося среди археологов обычая раскопки нескольких курганов и по двум, трем черепам требовать от антропологов заключения о характере племени <...> С другой стороны, для археологов тогда будут иметь значение заключения антропологии, когда они будут основаны на большом материале из одной и той же местности» (там же, стб. 23).

А.П. Богданов активно поддержал вольнопрактикующий медик, начинавший в свое время как врач 3-й конно-артиллерийской бригады, опытный полевик-археолог Василий Николаевич Бензенгр (1815–1891). По его мнению, «с антропологической точки зрения интересны раскопки, не разбросанные по различным пунктам, ничем между собой не соединенным, но произведенные последовательно по пути расположения курганов, что дает возможность проследить связь и отношение крайних курганов такой цепи. Так, западная часть Московской губернии исследована достаточно хорошо в антропологическом отношении, и весьма желательно проследить типы и культуру, найденные здесь, далее на запад, в Смоленской губернии» (там же, стб. 22).

Реплика В.Н. Бензенгра особенно хороша тем, что, если исключить из процитированного текста вводную «с антропологической точки зрения», то аргументы окажутся вполне резонны и с археологической точки зрения. Примечательно также, что В.Н. Бензенгр, принявший активное участие в дискуссии 1881 г., вообще-то весьма скептически относился к каким бы то ни было формализованным рекомендациям в области полевой археологии. Известно, в частности, его откровенное мнение по этому поводу, высказанное в приватном письме к этнографу Филиппу Диомидовичу Нефедову (1838–1902) еще в 1877 г., когда тот приступил к археологическим изысканиям. «Поздравляю Вас с добрым

началом и желаю полного успеха; раскапывайте и разрывайте аккуратно и описывайте все, что нашли; храните отдельно каждую раскопку – а больше никаких наставлений делать нельзя; опыт – самый лучший учитель. Вы еще особенно счастливы, что попали на нетронутые курганы; это сразу Вас приохотит и приучит, как поступать» (Письма..., 1917, с. 28).

В конце концов А.А. Тихомиров вернул спорщиков к запросу В.М. Чебышевой, чем и положил конец дискуссии: прямо ответить на поставленный древностелюбивую дамой вопрос оказалось не так уж сложно (Чебышева, 1886, стб. 24).

Итоги же декабрьской 1881 г. полевой дискуссии подвел *de facto* А.П. Богданов. Ввиду того, что Анатолий Петрович попытался тогда ответить на все резоны оппонентов, сказанное им принципиально важно, а потому я позволю себе процитировать его заключительную речь целиком – так, как она была опубликована в 1886 г. «А.П. Богданов сказал, что, несомненно, предвидеть все, могущие возбудиться в будущем вопросы, нельзя, и поэтому всегда желательно дать возможность проверки и пополнения наших знаний в будущем, но не тем путем, каким предлагает Ю.Д. Филимонов. Оставление курганов нераскопанными, как это показали многие случаи в местностях густо населенных, ведет к тому, что курганы спахиваются и, таким образом, погибают – и для настоящих, и для будущих исследователей. Здесь возможны только охранительные меры против подобных явлений, и если Археологические Общества не составят правил, ограждающих эти памятники старины, и не сумеют провести их в практику, то пожелание Ю.Д. Филимонова – оставлять материал для будущих проверок – скорее вредно, чем полезно.

Но есть другой выход. Во всякой науке существуют два метода: сравнительный и монографический. До сих пор археологи большей частью придерживались первого; очень часто незначительное количество вещей, найденных в различных, весьма удаленных друг от друга местах, сравнивалось, и на этом основывались выводы – что, к сожалению, ведет часто к большим неудобствам. И пока археологи не станут издавать монографических описаний различных групп курганов, в которых бы не была упущена ни одна часть, пока – для центральных, по крайней мере, пунктов – не будет существовать обширной сводки фактов, которая бы дала

право сказать, что мы действительно знаем их, – до тех пор самое сравнение, по недостатку того, с чем сравнивать, может быть только шаткое. Можно указать на пример естественных наук, хотя бы зоологии, где только одно распространение монографий дало возможность составить себе действительно цельное понятие о некоторых группах, относительно которых раньше существовали только ничем не связанные обрывки знаний» (там же, стб. 23, 24).

С А.П. Богдановым вполне был солидарен, на концептуальном уровне, В.А. Городцов. Не имея счастья стать формальным учеником Анатолия Петровича, он вполне усвоил заданную А.П. Богдановым установку на «археологию монографий».

Очевидно, что выборочная раскопка в принципе не может дать сколько-нибудь содержательного представления о памятнике, который археолог лишь слегка затронул своею лопатой и о котором судит впоследствии по внешним, поверхностным (а нередко и случайным) аналогиям. Такая полевая практика естественным образом порождает еще один, не менее грозный в методологическом отношении подводный камень. Причем, этот «камень» столь опасен, что и в начале XX в. о нем считали нужным говорить при каждом удобном случае.

Вот, в частности, как формулировал данную проблему А.В. Селиванов. В своем выступлении на III Областном Историко-Археологическом Съезде во Владимире 23 июня 1906 г. он, в частности, обратил внимание слушателей на «одну и ту же ошибку, которой, по моему мнению, не чужды весьма многие археологи. Эта ошибка заключается в том, что, изучая древности какого-нибудь одного могильника, не распределяют по группам разные могилы с различным содержанием, но изучают могильный инвентарь, относя его ко всем могилам, взятым вместе. Этот ненаучный, как мне кажется, метод приводит к тому, что могильник, существование которого должно быть приурочено к очень длительному продолжению времени, трактуется как бы относящимся к одной эпохе, которая характеризуется многими предметами, в сущности, относящимися к разным эпохам» (Селиванов, 1909, с. 8). Ничего удивительного: когда археолог, ничтоже сумняшеся, судит о содержании «оставшихся нераскопанными могил», еще и не такое может оказаться...

К поставленной им проблеме А.В. Селиванов относился серьезно, а потому, иллюстри-

руя «эту ошибку метода», он счел нужным сослаться не на кого-нибудь из полевиков второго или третьего эшелонов, но прямо на члена Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицына (Селиванов, 1909, с. 8). И, не вдаваясь здесь в разбор дискуссии о хронологии курганных могильников Поочья, следует признать, что апелляция Алексея Васильевича именно к А.А. Спицыну была вполне правомерной по существу. Ведь не кто иной, как сам Александр Андреевич довел тогда идею выборочной раскопки до методологического предела, причем сделал это в характерной для него стилистически жесткой манере.

В один год с процитированной выше работой А.В. Селиванова А.А. Спицын писал: «По отношению к археологии систематичность изысканий состоит не в выборе ряда определенных местностей и продолжительном изучении всех без исключения памятников древностей, в них имеющихся, а в выборе отдельных, ясно поставленных тем и в исследовании материала лишь в их тесном кругу» (Спицын, 1908, с. 3). И чуть позже: в археологии научная «система заключается отнюдь не в изучении всех древностей того или другого ограниченного района, а в исследовании немногих определенных памятников древности в пределах возможно обширного пространства» (Спицын, 1910, с. 12, 14). Причем нужно подчеркнуть, что не следует воспринимать эти формулировки как отвлеченное теоретизирование. Неслучайно ведь Императорская Археологическая Комиссия распространяла в то время, при Открытых листах, бланки дневников с заранее отпечатанной схемой погребений, весьма похожей на детскую раскраску. Предполагалось, что археологу достаточно лишь приноровить эту схему к выявленной в поле ситуации: слегка подправить, обозначить ориентировку костяка, пририсовать найденные вещи – и, пожалуй, всё.

В свое время Е.В. Антонова очень хорошо сказала об информативном потенциале погребений: «Из них происходит массовый материал, что позволяет снять случайные признаки и выявить главные тенденции развития» (Антонова, 1998, с. 4). Соответственно, опора на выборочный, «типичный» материал есть сознательный отказ от массового материала. Иначе говоря, допущение частичной раскопки памятника (допущение именно сознательное, запланированное, а не вынужденное внешними обстоятельствами) означает, что исследо-

вателя не интересует памятник собственно как таковой.

Этого исследователя не интересует памятник в его конкретности, памятник как комплекс, как «совокупность признаков», ибо частичных совокупностей не бывает; раскопать часть памятника – это всё равно, что вскрыть часть трупа, отстроить часть дома или стать частично беременной. Частично раскопанный памятник изучен лишь частично. И, строго говоря, такое положение дел есть наихудшее из возможных, ибо незнание, во всяком случае, лучше полу-знания.

Одно дело, когда археолог раскапывает часть памятника, не имея ни времени, ни средств исследовать его целиком. И совсем другое – когда археолог сознательно раскапывает именно часть памятника, приберегая нетронутую часть для «грядущих поколений исследователей». В последнем случае памятник, очевидным образом, не нужен археологу как целое; более того – этот памятник не существует для него как система.

Что же интересует такого исследователя, которому не нужен массовый материал? Его интересует получаемый в ходе раскопок некоторый материал для построения типологических рядов, вплоть до моделирования археологических культур, и не более того. Стоящие за артефактами «совокупности признаков», которые отражают «действительную жизнь» тех, кто оставил эти памятники, в лучшем случае отходят на задний познавательный план, а как правило – вообще перестают приниматься во внимание.

Не следует, однако, представлять дело таким образом, что избирательная, фрагментированная раскопка «типичных» памятников – неизбежное следствие формально-типологического подхода к археологическому материалу. Этого не было и на предыдущем этапе развития науки (достаточно сравнить подходы И.Е. Забелина и графа А.С. Уварова), этого не было и теперь.

Парфразируя Сальвадора Дали, можно сформулировать максимум: «Археолог, копай!». Прекращение раскопок, которое не вынуждено внешними причинами, но обосновывается методологически, на уровне концепции – это конец науки, гибель её.

На исходе XIX в. в России шло становление новой методологии полевых работ. Представления о том, *зачем* копать, т. е. какой именно археологический источник должен появиться в результате полевых изысканий, у многих только ещё формировались. А пото-

му, во-первых, на первый, практический план выходят спасательные работы (но, безусловно, здесь присутствовал и объективный момент, не зависящий от уровня развития науки). Во-вторых, в данном контексте особенно интересны те исследователи, кто уже сформировал понимание основного источника не как археологического комплекса, но как типологического ряда, и, исходя из этого понимания, копал.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Е.В.* Признаки высокого социального статуса в Месопотамии V–IV тыс. до н.э. // ВДИ. 1998. № 3. С. 3–16.
- Бобринской, гр. А.А.* Раскопки в Северо-Западном крае // Отчет ИАК за 1889 год. СПб., 1892. С. 38–53.
- Веселовский Н.И.* Отзыв о сочинении А.А. Спицына: Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии (Материалы по археологии Восточных губерний России. Москва, 1893) // ЗРАО. 1896. Т. VIII, вып. 1–2. Нов. серия. Проток. СПб. С. 49–51.
- Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 года // ДТМАО. 1900. Т. XVII. С. 1–37.
- Городцов В.А.* Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 году // ДТМАО. 1901. Т. XVIII. С. 1–28.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: ГИС, 1955. (Репринт 2-го изд. 1880–1882).
- Жук А.В.* Василий Алексеевич Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: ОмГУ, 2005. 535 с.
- Кельсиев А.И.* Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, произведенных летом 1878 года. V. Некоторые общие выводы // Известия ОЛЕАЭ. 1879. Т. XXXV. С. 53–68.
- Керам К.В.* Первый американец. Загадка индейцев доколумбовой эпохи. Пер. с нем. М.В. Воронковской, Н.А. Савинкова. М.: Прогресс, 1979. 336 с.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 485 с.
- Кузнецов С.К.* Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 года // Труды Томского общества естествоиспытателей. Год I. Томск: Типо-лит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. С. 153–230, VI табл.
- Мерперт Н.Я.* В.А. Городцов и начало изучения раннего бронзового века Каспийско-Черноморских степей // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 80–94.
- Пантусов Н.Н.* Христианское кладбище близ города Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // ЗВОРАО. 1886. Т. I, вып. 2. С. 74–83.
- Письма разных лиц к Ф.Д. Нефедову // ТВУАК. Кн. 17. Владимир, 1917. 80 с.
- Протокол общего очередного собрания Уральского Общества любителей естествознания, 3 сентября 1888 г. // Записки Уральского Общества Любителей Естествознания. Т. XII. Вып. 1. Екатеринбург: Типография И. П. Романова, 1889–1890. С. 59–63.
- Пулятин, кн. П.А.* О гончарном искусстве в каменном веке // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XX. 1884. / Под ред. А.В. Григорьева. СПб.: Типография Суворина, 1885. С. 280–309.
- Пулятин, кн. П.А.* Воспоминания // Русская Старина. 1887, январь. С. 107–132.
- Пулятин, кн. П.А.* Воспоминания // Русская Старина. 1888. март. С. 695–731.
- Сабанеев Д.А.* Анализ шлаков из коллекции князя П. Пулятина // Труды Комиссии по производству химико-технических анализов древних бронз. Вып. 1. СПб.: Тип. Арт. журн., 1882. С. 24–26.
- Савельев П.С.* Старинные доспехи, найденные в сопках Новгородской губернии // ЗРАО. 1852. Т. IV. СПб. С. 10–15.
- Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М. 1887. С. 39–60.
- Селиванов А.В.* О древнейшем населении Приокского района, предшествовавшем славянской колонизации // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 года. Владимир, 1909. 15 с. о.п., XIV табл.
- Смирнов К.А.* Новые данные о почитании топора древними славянами // СА. 1977. № 3. С. 289–290.
- Спицын А.А.* Археологические разведки. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1908. 96 с.
- Спицын А.А.* Археологические раскопки. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1910. 127 с.

Фармаковский Б.В. Н.И. Веселовский – археолог // ЗВОРАО. Т. 25. Пг., 1921. С. 359–386.

Фелицын Е.Д. Описание дольмена станицы Баговской (Кубанской области, Майкопского уезда) // Известия ОЛЕАЭ. 1879. Т. XXXV. С. 26–29.

Хвойко В.В. Каменный век Среднего Приднепровья // Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г. Т. I. М., 1901. С. 736–812.

Чебышева В.М. Ораскопках курганов в Смоленском уезде // Протоколы заседаний Антропологического отделения имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 4 декабря 1881 г. по 1886-й год. М.: ОЛЕАЭ, 1886. Стб. 14–24.

Информация об авторе:

Жук Александр Владиленович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Омск, Россия); zelionaya.liagushka@yandex.ru

REFERENCES

- Antonova, E. V. 1998. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3). 3–16 (in Russian).
- Bobrinisky, A. A. 1892. In *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1889 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1889)*. Saint Petersburg, 38–53 (in Russian).
- Veselovsky, N. I. 1896. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* VIII (1–2). Saint Petersburg, 49–51 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1900. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 17, 1–37 (in Russian).
- Gorodtsov, V. A. 1901. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of the Moscow Archaeological Society)* 18, 1–28 (in Russian).
- Dahl, V. I. 1955. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)* in Vol. 1–4. Moscow. (in Russian).
- Zhuk, A. V. 2005. *Vasilii Alekseevich Gorodtsov v rязанский период ego zhizni, sluzhby i nauchnoi deiatel'nosti (Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности)*. Омск: Омск State University (in Russian).
- Kelsiev, A. I. 1879. In *Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University)* XXXV, 53–68 (in Russian).
- Keram, K. V. 1979. *Pervyi amerikanets. Zagadki indeitsev dokolumbovoi epokhi (First American. The Mystery of the Pre-Columbian Indians)*. Moscow: “Progress” Publ. (in Russian).
- Collingwood, R. G. 1980. *Idea istorii. Avtobiografiia (The Idea of History An Autobiography)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Kuznetsov, S. K. 1890. In *Trudy Tomskogo obshchestva estestvoispytatelei (Proceedings of the Tomsk Society of Naturalists)* I. Tomsk: V. V. Mikhailov, P. I. Makrushin, 153–230 (in Russian).
- Merpert, N. Ya. 1991. In Krainov, D. A. (ed.). *Problemy izucheniia drevnikh kul'tur Evrazii (Issues of Studying Ancient Cultures of Eurasia)*. Moscow: “Nauka” Publ., 80–94 (in Russian).
- Pantusov, N. N. 1886. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. I (2). Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 74–83 (in Russian).
1917. *Pis'ma raznykh lits k F.D. Nefedovu (Letters to F. D. Nefedov by Various Persons)*. In (*Trudy Vladimirovskoi uchenoi arkhivnoi komissii*) Proceedings of the Vladimir Academic Archival Commission 17, 1–80 (in Russian).
- 1889–1890. In *Zapiski Ural'skogo Obshchestva Liubitelei Estestvoznaniia (Notes of the Urals Society of Devotees of Natural Science)* 12 (1). Ekaterinburg: “I. P. Romanov” Publ., 59–63 (in Russian).
- Putyatin, P. A. 1885. In Sreznevskiy, V. I. (ed.). *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society)* 20. Saint Petersburg: Suvorin Tipografy, 280–309 (in Russian).
- Putyatin, P. A. 1887. In *Russkaia Starina (Russian Antiquity)*. January, 107–132 (in Russian).
- Putyatin, P. A. 1888. In *Russkaia Starina (Russian Antiquity)*. March, 695–731 (in Russian).
- Sabanev, D. A. 1882. In *Trudy Komissii po proizvodstvu khimiko-tekhnicheskikh analizov drevnikh bronz (Proceedings of the Committee for the Production of Chemical and Technical Analysis of Ancient Bronze)*. Saint Petersburg, 24–26 (in Russian).
- Savel'ev, P. S. 1852. In *Zapiski Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of Russian Archaeological Society)* IV. Saint Petersburg, 10–15 (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1887. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy V arkheologicheskogo s"ezda v Tiflise v 1881 g (Proceedings of the 5th Archaeological Congress in Tiflis in 1881)*. Moscow, 39–60 (in Russian).

Selivanov, A. V. 1909. In *Trudy III oblastnogo istoriko-arkheologicheskogo sezda, byvshego v g. Vladimire 20–26 iunia 1906 goda (Proceedings of the 3rd Regional Historical and Archaeological Congress held in Vladimir on June 20–26, 1906)*. Vladimir (in Russian).

Smirnov, K. A. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 289–290 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1908. *Arkheologicheskie razvedki (Archaeological Surveying)*. Saint Petersburg (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1910. *Arkheologicheskie razvedki (Archaeological Surveying)*. Saint Petersburg (in Russian).

Farmakovskiy, B. V. 1921. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Proceedings of the Oriental Branch of the Imperial Russian Geographic Society)*. 25. Petrograd, 359–386 (in Russian).

Felitsyn, E. D. 1879. In *Izvestiia Obshchestva liubiteli estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University)* XXXV, 26–29 (in Russian).

Samokvasov, D. Ya. 1887. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve v 1899 g. (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Tiflis in 1899)*. 1. Moscow, 736–812 (in Russian).

Chebyshev, V. M. 1886. In *Protokoly zasedanii Antropologicheskogo otdeleniia imperatorskogo Obshchestva liubiteli estestvoznaniia, antropologii i etnografii s 4 dekabria 1881 g. po 1886-i god (Minutes of the Meetings of the Anthropological Department of the Imperial Society of the Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography from December 04, 1881, to 1886)*. Moscow: *Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University*, 14–24 (In Russian).

About the Author:

Zhuk Aleksandr V. Candidate of Historical Sciences. Independent researcher. Omsk, Russian Federation; zelionaya.liagushka@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.